

Вита Вурпенко

10 маленьких историй о любви

ВНЕ
ЗОНЫ
ДОСТУПА

Ей скоро тридцать: ни ребенка, ни семьи, ни квартиры. А он снова уходит в горы, и опять без нее. Маша решает, что больше не может ждать. Тем более, у нее уже есть новый поклонник, обеспеченный и влюбленный. Внезапно с тем, первым, пропадает связь. Ромка, отчаянный Ромка, где ты? Найдут ли тебя? И изменит ли тогда Маша свое решение? «Вне зоны доступа» и девять других рассказов о любви в новом сборнике журналиста и популярного женского автора Виты Витренко.

Свежие образы, глубокие переживания, жизненность ситуаций: книгу невозможно отложить в сторону. Десять историй о людях, которые просто хотят быть счастливыми. Вы будете плакать и радоваться вместе с героями, потому что они так похожи на вас!

Вита Витренко ВНЕ ЗОНЫ ДОСТУПА

Предисловие

Любовь ничего не обещает и не гарантирует, кроме огромного счастья или огромного несчастья. Одни находят друг друга в будничной суете, чтобы больше никогда не расставаться. Другие теряют — и потом всю жизнь ищут то, самое важное и несбывшееся. Найдут ли?

За годы работы в женском журнале я поняла главное: нашу жизнь освещает любовь. Даже если ей не суждено было реализоваться. Даже если она противоречит общепринятым нормам. Даже если она с привкусом горечи.

В этом сборнике вы найдете десять рассказов, десять судеб, десять историй. Не все они с хэппи-эндом. В жизни за все приходится платить, и мои героини сполна платят за возможность любить и быть любимыми. Но при этом они все равно счастливы. Потому что они испытали это. Какие бы трудности ни встречались, любовь остается в сердце и греет нас. Надеюсь, мои рассказы помогут вам в это поверить.

Вита Витренко — журналист, автор, блогер,

более двадцати лет пишет для женских и молодежных изданий.

По дороге на седьмой этаж

Маргарита была обижена и разозлена. Если бы она умела поджигать взглядом, то все, мимо чего она сейчас пролетала, рассекая воздух, уже давно занялось бы пожаром. Сегодня был день ее разочарований. Первое ждало прямо с утра: муж Маргариты — 33-летний программист Павел — в очередной раз забыл о годовщине их свадьбы и вместо поздравлений будничным голосом попросил жену поджарить яичницу на сале. А Рита надеялась, что пять лет семейной жизни что-нибудь да значат! Во-вторых, редактор нового женского журнала «Дева» (между прочим, мужчина) завернул Ритин рассказ, обозвав его «слишком эксцентричным и далеким от жизни сказанием». В то время как начинающая писательница 30 лет Маргарита Сокол была уверена, что ее творение «Похороны света» является образцом стильного, легкого и захватывающего письма, которое сделало бы честь изданию и похлеще новоявленной «Девы». А в-третьих (и это совсем доконало Маргариту), в очереди в супермаркете элегантный мужчина бросил ей в лицо обывательски-безличное: «Эй, женщина!», доказав таким образом полную

бесполезность бассейнов, тренажеров, масок из морской глины и остальных Ритиных ухищрений обмануть возраст. Это была катастрофа. К таким дамам, как Маргарита Сокол, не пристало обращаться «Эй, женщина!».

В лифт рассерженная Рита влетела вместе с молодым парнишкой лет двадцати. Увидев напротив себя ясные голубые глаза, волевой подбородок и двухдневную щетину а-ля молодой Робби Уильямс, она решила отыгаться хоть на этом юном представителе грубого мужского племени и подарила ему один из своих самых томных и страстных взглядов. По ее расчетам, случайный попутчик должен был смешаться и покраснеть, или опустить глаза, или застенчиво улыбнуться — ну хоть как-то прореагировать на Ритины чары! Однако представитель поколения coffee-to-go безразлично скользнул невидящим взглядом по ухоженному лицу незнакомки и буркнул под нос: «Вам какой?». «Седьмой», — прошипела Рита. На седьмом этаже неотесанный мальчишка бесцеремонно вышел первым и, ни разу не оглянувшись, проследовал в квартиру прямо напротив Ритиной. «Значит, сын Татьяны Ивановны», — зло подумала Маргарита. В этом доме они с мужем жили недавно и знали еще не всех соседей.

Маргарита очень не любила, когда ее не

замечали. Безразличие молодого соседа стало той последней каплей в утренних обидах и неудачах, которая подвигла Риту к решительным действиям. «Ты еще будешь умолять меня о встрече!» — приговаривала она, расхаживая по комнате в шелковом халате. План оболыщения неопытного паренька был прост, а цель — ясна: доказать всему свету, что она еще — ого-го! В этот момент из Ритиной памяти напрочь выпал тот факт, что она замужем, а где-то за пару сотен километров растет ее 11-летний сын от первого брака Ваня, временно переданный на воспитание мамы.

И началась атака. Как часовой на страже, Рита дежурила у входной двери, боясь пропустить выход объекта. Едва заслышав лязганье соседского замка и заметив в глазок джинсовые очертания, она хватала очумевшую от счастья таксообразную собачку Нику и бежала к лифту.

«Привет, сосед!» — насмешливо и задорно говорила она, кокетливо подмигивая обалдевшему парню. «Здравствуй, соседка!» — смущенно улыбался тот, чувствуя себя взрослым и крутым. И начиналась болтовня о пустяках: о дождливой погоде, о привычках коричневой Ники, о странностях старых профессоров, преподающих в университете Ильи... Если Илья был дома, Рита обязательно просила его что-то починить или

перенести, ссылаясь на свою беспомощность и занятость мужа. Она разгуливала перед ним полуодетая, много смеялась, угощала венским кофе с коньяком и разрешала побренчать на старой гитаре. Рите нравилось строить из себя прожженную жизнью светскую львицу — она уже забыла о мести и просто наслаждалась придуманной игрой. А Илья смотрел на нее замороженными глазами, напевал хриплым голосом «Рита-Рита, Маргарита, маргаритка!», пытался авторитетно спорить о жизни, но не позволял себе ничего лишнего и уж тем более не умолял ни о каких встречах. Рита не знала, что, как только Илья покидал ее жилище, он запирался в своей комнате, врубал на полную громкость рок, курил одну сигарету за другой и писал стихи.

Мне грустно и
больно опять
Все рассветы без
милрой встречать.
Мне теперь и весна
— не весна.
Безутешна небес
синева,
И печальная всходит
трава,
И деревья хотят ещё

спать...

Слова сами собой складывались в строчки, где-то в подсознании рождалась рифма, и с кончика пера на бумагу легко слетали все новые и новые строфы.

Конечно, Илья влюбился не в первый раз. Были в его жизни и одноклассницы-карамельки в обтянутых юбчонках, позволяющие за глоток «Кока-колы» потрогать плоскую грудь, и закомплексованные очкастенькие студентки, выясняющие на свиданиях разницу между «формализмом» и «формализацией», и пестрые клубные бабочки-однодневки с нарисованными кукольными губками — такие же яркие, как и глупые. Но что они по сравнению с Ритой — мудрой и опытной, прекрасной и величественной королевой Марго!

Однажды, забежав к Илье в очередной раз, Маргарита не застала его дома.

— Я кран скрутила, а муж на работе, — виновато посмотрела она на Татьяну Ивановну.

— Илюша к Сане из третьего парадного выскочил, будет через минуту, — приветливо улыбнулась та. — Вы, Риточка, его в комнате подождите. Может, чаю?

Татьяна Ивановна свято верила в

положительное влияние умницы-соседки на своего отпрыска: Рита благоразумно давала почитать Илье хорошую литературу, достала ему редкий учебник по истории и вообще при Татьяне Ивановне вела себя очень достойно.

Отказавшись от чая, Маргарита прошмыгнула в комнату Ильи и, услышав удаляющиеся на кухню шаги хозяйки, бесцеремонно стала рассматривать лежащие на его столе бумаги. Скользя взглядом по фиолетовым рифмованным строчкам, она обомлела, мгновенно все поняла и просияла. В эту минуту ее и застал Илья.

— У тебя хорошие стихи, — ни капельки не сконфузившись, похвалила Рита. — Дай почитать.

— Бери, — безразлично кивнул тот, обмирая в душе и ругая себя за неосторожность.

Ухватив в клюв дорогую добычу, Рита упорхнула в свое гнездо, напрочь забыв о скрученном кране. «Может, это и к лучшему», — обреченно подумал ей вслед Илья.

Стихи были действительно хорошие — Рита не соврала. Коварный план созрел внезапно, был прост, как все гениальное, и сулил Рите стремительный взлет. Она ликовала...

Вообще-то Татьяна Ивановна редко читала женские журналы, но этот номер «Девы» очень хвалили ее сотрудницы. Когда Илья вернулся из

института, злополучный журнал лежал раскрытым на кухонном столе. От нечего делать он стал лениво просматривать яркое издание, закусывая каждый разворот бутербродом. Рассказ на 112-й странице привлек его внимание странным названием, и Илья, отложив бутерброд, погрузился в чтение. Безликие буквы вдруг развернули перед ним до боли знакомую картину: Он — молодой наивный студент, Она — опытная соседка из квартиры напротив. Старый дребезжащий лифт, расстроенная гитара, даже этаж — седьмой, все совпадало до мельчайших деталей. Чем дальше читал Илья, тем сильнее билось его сердце. Он ясно увидел себя со стороны — глупого жалкого котенка, попавшегося в ловко расставленные ловушки потешавшейся над ним львицы. И вдруг строчки перед ним поплыли, ибо с нового абзаца на него нагло тарасились самые сокровенные слова — его собственные стихи, подтверждение его слабости и козырь в руках расчетливой соперницы.

Рассказ оканчивался трагически: безнадежно влюбленный герой избавился от страданий, выпрыгнув с шестнадцатого этажа, и душа его серебристой чайкой улетела в Страну вечной любви... Илья не хотел видеть подписи, но глаза сами нашли незнакомую птичью фамилию и ставшее родным имя. В ярости отбросив журнал, он схватился за голову, выпил залпом полстакана

водки из отцовского бара и прильнул к глазку.

Ждать пришлось не слишком долго. Прекрасная лицемерка Марго и омерзительно толстая собачка прошмыгнули в лифт, где их и настиг Илья. Только увидев его суженные от ненависти глаза, Рита догадалась, что Илья прочитал ее опус, и в первый раз ужаснулась своей выходке. До этого ей все казалось замечательным: и рожденный за одну ночь рассказ, и скупая похвала редактора «Девы»: «Динамично и ярко. Берем!», и звонки восхищенных знакомых, и солидный гонорар...

— Я тебя ненавижу! — процедил сквозь зубы Илья.

И добавил без всякой логики:

— Ты старая и уродливая! Из-за такой, как ты, никто не выпрыгнет из окна. Никто! Никогда! — теперь его голос срывался на крик.

Он где-то бродил до десяти вечера, заходил к полузабытым друзьям, пытался напиться, но водка не шла, потом проиграл все деньги в автоматах какого-то кафе. А Маргарита выглядывала его из окна и проклинала себя. В мозгу заевшей пластинкой крутилась фраза из далекого школьного прошлого: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Наконец на дворовой скамейке она заметила знакомый силуэт и услышала развязный хриплый голос, обращенный к смазливой малолетке Люське:

— Эй, лапуль, поди сюда. У тебя клевые ножки. Посиди со мной.

И в этом полупьяном расхлябанном пацане, совсем непохожем на серьезного, собранного Илью, Рита вдруг увидела своего повзрослевшего Ваньку, которого вот так просто обидела чужая женщина на десять лет старше него. Что-то буркнув мужу, она по ступенькам слетела вниз и прямо в подъезде столкнулась с Ильей. «Прости меня, слышишь, прости», — сокрушенным полушепотом повторяла она. Но Илья не слушал и тащил ее в лифт, а затащив и нажав кнопку с цифрой «7», сделал то, о чем мечтал долгие месяцы: набросился на Риту и стал жадно целовать ее теплые мягкие губы, больно царапая их небритой щетиной, рвал на ее груди шелковый халат, впивался в холеную шею и рычал, словно дикий зверь. Рита испугалась не на шутку, но тут открылись спасительные двери, и она, как ошпаренная, выскочила из лифта.

— Я завтра уеду к маме. Мне нужно увидеть Ваню, — с порога сообщила она мужу.

— Но у тебя же была какая-то срочная работа, — удивился тот.

— Плевать на все, я завтра еду!..

Перед отъездом она написала Илье письмо. Хотела оставить всего несколько строчек, получилось — три листа сумбурного текста. О том, что он — замечательный парень, а она — дура, что

у него впереди еще целая жизнь, а ей уже 30 и женщины стареют быстрее, что литературный талант на дороге не валяется — и ему нужно обязательно писать. Длинное странное послание, выведенное рукой, привыкшей нажимать кнопки на клавиатуре. Крик души, в котором умоляющее «Прости!» смешивалось с почти материнской нежностью, острой тоской по чему-то несбывшемуся и единственным на тот момент желанием — оградить этого мальчишку от чего-то плохого... Она подложила письмо прямо под его дверь, заклеив конверт скотчем и надписав жирным фломастером: «Илье, лично в руки».

Когда почти через месяц Рита вернулась домой, о недавних бурных страстях напоминал лишь старый измятый номер «Девы» с большим масляным пятном на обложке. Однако Рита все равно, как белка, шастала к глазку и прислушивалась к соседней двери. Больше недели Илья не появлялся. Маргарита уже начала вливаться в обыденный поток своей прежней жизни, где Ильи-то и не было никогда, когда как-то возле лифта столкнулась с похудевшей и осунувшейся Татьяной Ивановной в черном траурном платке. Пытаясь унять внезапную дрожь в голосе, забыв поздороваться, она выдохнула:

— Что с Ильей?

Татьяна Ивановна странно на нее посмотрела и глухо переспросила:

— С Ильей?

Рита почувствовала, как крупный тяжелый камень кто-то пытается протолкнуть ей в горло, в висках стучало монотонной дробью: «Не может быть, не может быть», и это длилось и длилось, заливая подмышки липким страхом. Но тут Татьяна Ивановна вдруг ожила, засуетилась и запричитала по-бабски:

— Девочка моя дорогая, вам плохо? С Ильей все в порядке, он переводится в Харьковский университет, будет теперь там учиться. Уже и комнату в общежитии получил, и подружка у него славная появилась, Танюшей зовут... А вот у меня горе — умерла тетя от инфаркта, очень хороший человек. Ей уже 72 стукнуло, но она еще неплохо выглядела, образованная такая, интеллигентная была. А Илюша даже на похороны не приедет — академразницу сдает...

Долго, очень долго Маргарита смотрела на коричневую, полосатую и исцарапанную, дверь лифта и глубоко дышала. Когда черная щель начала разъезжаться, она автоматически шагнула внутрь и, не слушая болтовни Татьяны Ивановны, всю дорогу до первого этажа мысленно повторяла: «Он забудет. Он обязательно забудет».

Имбирное печенье

По иронии судьбы ее лечащий врач работал в роддоме. И каждый раз она чувствовала тупую боль, когда проходила мимо пузатых барышень в халатах, облепивших ленивыми мухами стулья у кабинета УЗИ. На их лицах читалась усталость, словно они тяготились своим положением, иногда тревога, но никогда — радость материнства. Это раздражало Тоню больше всего. «Да вы же должны прыгать от счастья, безумные, вы же должны целовать дверь этого кабинета, вы — избранные, а квасите недовольные рожи», — со злостью думала она, минуя цветастую вереницу будущих мам и направляясь к Варваре Сергеевне. Потом начиналось то, к чему она никак не могла привыкнуть: врач дарил ей очередную надежду в виде нового исследования, или супердейственных препаратов, или прекрасных результатов ее анализов, но проходил месяц — и ничего не менялось. Тоня была пуста. В ней не зарождалась жизнь. Клубочек клеток упрямо не хотел прикрепляться к ее нутру, не желал прорасти, чтобы явить чудо, плевал на все Тонины молитвы и хождения по лучшим специалистам, из которых Варвара Сергеевна считалась самым перспективным. И так длилось уже восемь лет!

Восемь лет бесконечного лечения и лживых

надежд — кто-то знает, что это такое? За эти годы Тоня стала старше, наверное, втрое. Она развелась с Володей, который не справился с этим ее маниакальным желанием родить во что бы то ни стало. Встретила Юру и, уповая на новую любовь и свежую энергетiku, снова бросилась по врачам. Безрезультатно! Она объездила все монастыри и храмы в округе, ходила к знахарям и гадалкам, отдыхала на грязях, оставляла безумные деньги в клиниках — напрасно. Ей было не дано. Пустоцвет! И самое обидное, что никто не видел причину. Здорова! Она была здорова! У Тони все части тела были на месте и нормально функционировали, как и у ее мужчин, и в чем тут дело — никто не понимал. Загадка.

В слякотный не по-зимнему день, когда серая крошка на улице смешивалась со льдом в душе, Тоня вышла из кабинета Варвары Сергеевны молча и равнодушно. Там во время уговоров на повторную попытку «эко» она вдруг почувствовала, что силы ее закончились. Вся энергия, отведенная Богом на борьбу с ее собственным организмом, вытекла. Больше она не может. И на ласковое: «До свидания, Тонечка, все-таки подумайте хорошенько!» — она бросила врачу тихое, но жесткое «Прощайте!». Ее больше не цепляли ни выступавшие женские животы, ни настороженные мужские лица, ни писклявые конверты с бантами —

это все для нее закончилось.

Она нырнула в темно-серый исполосованный фарами вечер и впервые за много лет начала думать о своем будущем без детей. Тоня не чувствовала ни жалости к себе, ни разочарования — все уже давно было выплакано и выкричано. Она чувствовала освобождение. И чтобы отпраздновать эту горькую свободу, зашла в кафе с пряничным ангелочком у входа, который не вызвал в ней ровно никаких эмоций.

В кафе пахло имбирным печеньем. Это был такой сладостный, домашний, знакомый с детства аромат, что в первую минуту у Тони закружилась голова и ноги стали ватными. Имбирное печенье пекла покойная бабушка, она же рассказывала Тоне удивительные сказки о принцах и принцессах и говорила ей «моя куколка» каждый раз, когда девочка открывала тяжелую дверь ее пахнущей нафталином комнаты. Бабушка неистово любила Тоню — наверное, больше, чем вечно занятые мать и отец, немного эгоцентричный Володя и даже самодостаточный Юра. Именно в ореоле этой сильной, яркой и бескорыстной любви, как в теплом и безопасном коконе, Тоня радостно росла до 10 лет. Когда ей исполнилось десять, бабушки не стало. Точнее, она, любимая и родная, осталась в душе, в воспоминаниях, в необъяснимой тоске по

вечерам, но не было ее поддержки и участия, не было больше увлекательных сказок, как и нежного, хрустящего, ароматного имбирного печенья...

Тоня выбрала столик в самом углу и сделала заказ:

— Зеленый чай, нет, капучино и то печенье, которым у вас пахнет, граммов 150.

Она закрыла глаза и слушала, как стучит ее сердце. Вдыхала знакомый до боли запах и вспоминала тот последний Новый год: бабушка была уже очень больна, но печенье — это святое. Тоня ей помогала, точнее, она делала все сама: добавляла, смешивала, раскатывала, вырезала звездочки и фигурки ангелов, даже ставила тяжелый лист в духовку, а бабушка ею руководила, приговаривая: «Моя ты помощница золотая, не будет меня, так ты уже и сама справишься — напечешь, наваришь...» Но после смерти бабушки Тоня ни разу не пекла имбирного печенья, уж очень тяжелыми и болезненными были воспоминания.

«Может, мне просто не хватило любви? — вдруг спросила она себя. — Но ведь у меня есть родители, и они тоже уделяли мне внимание, папа гулял со мной, а мама делала всякие поделки, я это помню, и дни рождения мне устраивали, и подарки дарили. Все, как у других. Почему же без бабушки стало так одиноко?...»

Празднично сияющая официантка принесла

заказ. Тоня положила на язык золотистый кругляш и сосредоточилось на ощущениях. Было очень вкусно. Но совсем не то...

— Возле вас не занято? — симпатичная женщина средних лет в синем пальто поставила сумку на соседний стул.

Тоне не хотелось ни с кем делить этот вечер. Она оглянулась. Неужели нет пустых мест? Но дама торопливо объяснила: «Там курят, а я не выношу дыма».

Тоня, вздохнув, кивнула.

Женщина разделась, заказала чай, достала блокнот и стала делать какие-то заметки, но вдруг пронзительно посмотрела на Тоню и спросила: «У вас что-то случилось? На вас лица нет».

Наверное, если бы в ее голосе не прозвучало столько искреннего участия — без сюсюканья и любопытства, Тоня бы промолчала. А тут она неожиданно для самой себя ровным металлическим голосом выложила:

— У меня не будет детей.

И эта дама, она не стала ойкать, утешать, спрашивать, все ли возможное сделала Тоня для решения проблемы, а только кивнула и спокойно сказала странную фразу: «Так бывает. Но это не значит, что ваша жизнь будет лишена тепла».

Тоня допила капучино и доела печенье, отзвонилась мужу — да, с ней все в порядке,

рассчиталась и начала одеваться. В последнюю минуту ее соседка по столику, продолжавшая без устали писать, протянула ей вырванный из блокнота листок с адресом и улыбнулась: «Я настаиваю, но если у вас будет время, загляните сюда. Я здесь работаю. Нет, это не клиника, не подумайте. Просто придите — и вы все поймете. Лучше в пятницу к 10, у нас будет праздник. Как вас зовут? Антонина? А я Ольга, будем знакомы».

У кого «у нас»? Какой праздник? Тоня рассеянно поблагодарила. Уже по дороге домой она ругала себя: почему не расспросила подробно, не взяла телефон? Что за афера? Решила не ходить. Но в пятницу встала рано, вымыла голову, надела вишневый польский костюм и поехала по адресу, выведенному четким аккуратным почерком Ольги — три остановки от дома, недалеко.

Она долго, оглядываясь, бродила вдоль серых девятиэтажек, пока не убедилась, что дом с нужным номером — типовое здание детского сада. Тоне это не понравилось. Все, связанное с детьми, отныне для нее не существовало. Точнее, оно осталось в параллельном мире — в том, где у Тони был свой теплый розовый карапуз, который играл в машинки, ходил в сад, а потом в школу, праздновал дни рождения с тортами, шариками и толпой веселой малышни, а на Новый год с нетерпением ждал,

когда мама испечет имбирное печенье...

Тем не менее она переступила порог здания и сразу удивилась запаху: еловых шишек, смешанных с домашней выпечкой. Она попала в раздевалку: низкие деревянные скамеечки, маленькие шкафчики, миниатюрные детские курточки и сапожки. Тоня осторожно отворила следующую дверь, откуда лилась тихая музыка. Заглянув в просторную комнату, она увидела группу детей разных возрастов, сидящих на ковре плотным кружком. Кто-то из малышей был занят куклами, но большинство ребят заворожено слушали нежные звуки, рожденные флейтой. Играла Ольга. Увидев Тоню, она не прервала игры, а лишь глазами пригласила войти. Тоня сняла сапоги и пошла босиком, на цыпочках, чтобы не шуметь; дети как по команде раздвинулись, уступив ей место в кругу, она села и стала слушать, на душе у нее было тепло и спокойно. Потом все вместе отгадывали загадки, повторяли скороговорки, пели. Затем дети стали играть сами — в тряпичные куклы, деревянные машинки, шишки, желуди. Пластмассовых игрушек здесь не было.

Тоне не терпелось поскорее расспросить Ольгу, что это за необычный детсад, но та взглядом не позволяла. Вдруг к ней подошла кудрявая голубоглазая малышка, сообщила, что ее зовут Машенька, и попросила помочь ей уложить куклу

спать. Они вместе спеленали ее, после укачивали в почти настоящей люлочке, позже будили и кормили кашей. Тоня так увлеклась, что забыла о времени. Она пила со всеми ароматный травяной чай и ела домашний пирог. Потом дети шили елочные игрушки: даже самым маленьким давали иголки и нитку. Тоня тоже смастерила тряпичный шар из клочков ткани. Ольга не повышала голос, а если кого-то надо было позвать, пела его имя, и дети слушались ее безоговорочно. Только когда они все вместе вышли на улицу, Ольга сделала Тоне знак: поговорим. «У нас экспериментальный детсад, — ы объяснила она. — Мы работаем по особенной методике. Вам у нас понравилось?» Тоня кивнула. Ольга продолжала: «Эти дети очень открыты и доверчивы. Они из счастливых семей. Но есть места, где живут малыши, лишенные родительского тепла. Если хотите, я дам вам адрес. Они будут счастливы, если вы иногда будете приходить и играть с ними».

Тоня шла домой сама не своя. С одной стороны, она злилась на Ольгу — та снова окунула ее в мир, из которого Тоня бежала, который закрыла для себя, как ей казалось, раз и навсегда. С другой стороны, ей было радостно. Оказалось, играть с чужими детьми — приятно и интересно. И, самое главное, есть дети, которые будут очень счастливы, если Тоня к ним просто придет. Не то

чтобы раньше такая мысль ее не посещала. Но почему-то для себя Тоня решила: если не ее собственный ребенок, тогда никакого не нужно. А теперь сердце трепетало: нужно, нужно, просто поезжай туда, посмотри, тебя ведь никто ни к чему не обязывает. И Тоня позвонила, договорилась, купила сладостей и поехала.

О, советское детство, казенные стены, щербатые чашки и запах хлорки! Тоня ходила в детсад недолго, бабушка настояла, чтобы ее, трехлетнюю, забрали, но воспоминания о том периоде были удушающе-неприятные. Все чужое, все по команде. И вдруг опять это забытое, похороненное на дне памяти, чувство — страх, что ее тут оставят насовсем, смешанный с липкой брезгливостью... И они, эти малыши в одинаковых рубашечках-шортиках. Грустный взрослый взгляд. Детская непосредственность, с которой они зовут ее: «Мама!» Тоня прячет глаза... Какой контраст с группой, где она была несколько дней назад! Хочется убежать, крикнуть: «Я этого не видела и не знаю». Но Тоня вспоминает, что она взрослая...

Из всех детей она сразу выделила Колюню. Он был небольшого роста, щупленький, глазастый, с ежиком светлых, тепло-желтых волос, словно одуванчик на тоненьком стебельке. И при этом такой бойкий, вроде в мальчика вставили

пружинку. Задавал много вопросов, лез на коленки, показывал, как высоко умеет прыгать. Когда Тоня читала сказку, ему высидеть было сложнее всех. А вот в мяч пацаненок играл с азартом, ужасно переживая, если не попадал в цель. Картавя, он рассказывал Тоне, что у него есть папа, он ездит на большой машине и скоро обязательно приедет за Колей. «Выдумывает», — поняла она. А одна девочка, Даша, все время просила расчесать ее. И когда Тоня вела щеткой по тонкой светлой речушке ее волос, та жмурилась и приговаривала: «Как мамочка». Воспитатель объяснила, что Даша попала сюда недавно и, в отличие от остальных малышей, маму еще помнит.

Когда Тоня уходила, Даша заплакала. Многие кричали: «Приходи еще!» НоЫ были и те, кто смотрел на нее равнодушно-сердито. Она спросила, что кому привезти. Колюня попросил машинку, Даша бант, кто-то плюшевого мишку, кто-то собачку — Тоня составила большой список.

Домой вернулась поздно, потому что ходила по магазинам, покупала подарки. Юра сидел за компьютером, работал. Тоня оставила в прихожей пакеты, вымыла руки, выпила теплый еще, заваренный для нее, чай. Потом зашла в комнату, повернула к себе кресло, на котором сидел муж, и взволнованно произнесла: «Нам надо купить им

пижамы. Холодно, а у них нет теплых пижам — воспитательница сказала. Они мерзнут. У тебя же сестра занималась детской одеждой, может, удастся где-то оптом взять, чтобы подешевле? Да что ты на меня так смотришь? Я сегодня в детдом ездила!»

Юра сразу выключил компьютер. Он давно не видел жену такой возбужденной. В последнее время она была сонной, безразличной ко многим вещам. Приходила с работы, листала глупые журналы, ложилась спать. А сейчас будто проснулась после долгой болезни, засветилась прежней Тоней. И это при том, что сама же слово «детдом» запретила произносить. Юра хорошо помнил, как она горячо шептала ему: «Мы родим своего, у нас получится, вот увидишь!» Он почувствовал: это важный момент. Нельзя спугнуть, неосторожно сказать что-то лишнее. Вообще ничего говорить не стоит, лучше помочь. Он-то уже давно был согласен, он вырос в большой семье. А вот Тоня...

Юра позвонил сестре, записал нужные телефоны. На следующий день они выяснили, где можно купить пижамы оптом, сколько их нужно и каких размеров. Потом к пижамам добавились тапочки. В итоге сумма для их семьи вышла немаленькая, но решили отказаться от планируемой к Новому году покупки большого телевизора — подождет. Юра взял на работе день, чтобы привезти вещи домой. Тоня командовала: «Поедем в субботу.

Давай еще елочные игрушки купим и нарядим им елочку. Я у родителей заберу, пусть искусственная, зато им на следующий год останется. Да нет у них елки, я узнавала, няньки из дому еловые ветки приносят, и все. Ты себе не представляешь, какая там бедность! И как они всему рады! Юра, я знаю, я испеку им печенье. Много! Пожалуйста, купи мне продукты, я напишу. В пятницу приду с работы и вечером напеку, поможешь? Давай их порадуем, они так ждут!»

Всю неделю Тоня собирала гостинцы в детдом. На работе кто-то прослышал, принес в конверте денег — она купила на них всякой мишуры на елку. А дома достала кулинарную тетрадь, которую вела еще школьницей, открыла рецепт имбирного печенья, несколько раз перечитала. «Бабушка, не поверишь, но я все-таки его испеку!» — сказала едва слышно. Долго колдовала над тестом, вместе с Юрой вырезали елочки-звездочки. Запах на всю квартиру разливался такой, что первую порцию, не выдержав, съели сами. «Да, это оно, тот забытый вкус! Все мое детство каждый Новый год — это печенье. Юр, тебе нравится?» — «Ага! — похрустывая. — Я б еще сахару добавил. Хотя и так вкусно. Ну ты молодчина!»

В субботу утром серый промерзший асфальт